

«СПОСОБНОСТЬ ДУХА» ИЛИ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ? (О ЧЕХОВСКОМ ВОСПРИЯТИИ ВЕРЫ)

Людмила Борисова Савенкова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: savenkova@sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются аспекты представлений А.П. Чехова о вере. Утверждается, что для такого исследования целесообразнее рассматривать функционирование не только слова вера, маркирующего данный концепт, а целостной лингвистической концептуальной парадигмы – совокупности языковых единиц, в семантику которых входит признак 'вера'. На основе собственных наблюдений автора публикации и материалов «Частотного грамматико-семантического словаря языка художественных произведений А.П. Чехова» [Поликарпов А.А. и др.] отмечается, что элементы упомянутой лингвистической концептуальной парадигмы встречаются в творчестве писателя свыше 4000 раз, слово верить входит в «лексическое ядро» художественной прозы А.П. Чехова.

В текстах писателя вера гораздо чаще предстает не как самостоятельная сущность, не как «способность духа» личности, а как состояние человеческого сознания, причем по большей части – как состояние протяженное, а не одномоментное. Вера у Чехова характеризует в первую очередь отношения между людьми, а не отношение человека к Богу (хотя нельзя отрицать, что некоторые произведения касаются и этой ипостаси концепта «вера»). Наиболее частотными объектами веры выступают 1) правдивость индивида, 2) то, что не доказано с несомненностью, 3) честность, твердость, добрые намерения личности, а также 4) реальность факта, взаимосвязь фактов (перечислены по убыванию контекстов).

Ценность веры демонстрируется путем интенсивного использования как в авторской речи (в том числе и в письмах), так и в репликах персонажей, во-первых, глаголов уверять/уверить; во-вторых, словоформ веришь (ли), верите (ли), употребленных в качестве вводных; в-третьих, форм повелительного наклонения верь(те), поверь(те). Кроме того, на значимость веры указывает констатация ее нехватки через употребление лексем с корнем вер- в конструкциях с отрицанием или с отрицательной приставкой не (не верить/ не поверить, не вериться, не веровать; недоверие, недоверчиво, недоверчивый, невероятие, невероятный; неверие; неверующий; неуверенно, неуверенность; недостоверный и т.д.).

Ключевые слова: Чехов, вера, экзистенциальная ценность, лингвистическая концептуальная парадигма.

В числе мировых ценностей важное место занимает концепт «вера». В современной философии вера определяется как «глубокое, искреннее, пронизанное эмоциями принятие какого-то положения или представления, иногда предполагающее определенные рациональные основания, но обычно обходящееся без них. В. позволяет признавать некоторые утверждения достоверными и доказанными без критики и обсуждения» [Ивин]. Косвенным свидетельством признания веры ценностью может служить обилие научных работ, в которых феномен веры рассматривается с различных сторон – философской, культурологической, социологической, психологической, лингвокультурологической, см., например [Доценко; Ивановская; Казанцева; Костикова; Омельчук; Савенкова; Степанов; Сулиман; Талапова; Тимошевская; Чеснова; Шафоростов; Ярыгин; Callahan; Goede; Helm; McKay, Fanning; Modality, morality and belief; Novak; Price; Tamminga; Turner].

Как отмечается в одной из философских работ, «вера – это ценность, лежащая в основе прочих жизненных ценностей: именно вера проявляет идеалы, которые имеют первостепенную ценность для человека» [Омельчук, с. 92]. То, что именно вера заставляет индивида выдвигать на первый план какие-то ценности по сравнению с остальными, делает

естественным обращение к размышлениям о ней многих русских писателей. Поскольку А.П. Чехов входит в круг не просто русских, а мировых писателей, постольку видится значимым выяснение того, каким предстает осмысление веры в его творчестве. Один из чеховских персонажей говорит: «*Вера есть способность духа*. Она все равно что талант: с нею надо родиться» (На пути. С. 5, 468; здесь и далее произведения А.П. Чехова цитируются по [Чехов 1974–1988]; в круглых скобках буквой С. обозначаются сочинения, П. – письма, римскими цифрами – том, арабскими – страницы). Важен ли этот тезис для самого автора? Что в его представлении характеризует веру? Чему или во что склонны верить или не верить чеховские персонажи и их создатель?

Исследуя индивидуальные языковые картины мира писателей, ученые обращаются к различным приемам оперирования языковыми средствами, которые используют авторы. В том числе немаловажную роль играет и сам словарный запас каждой такой творческой личности, и особенности употребления ею языковых единиц. В определенной мере показателем притягательности для писателя той или иной сущности служит степень частотности и регулярности, с которой его сознание обращается к тому или иному аксиологическому концепту. В том, что мысль о вере была для А.П. Чехова

важной, можно убедиться, если обратиться к количественным подсчетам. Автор данной публикации уже приводил результаты собственных наблюдений в одной из более ранних работ [Савенкова, с. 242]: число текстовых фрагментов только с лексемами с корнем *вер-* превышает в Полном собрании сочинений А.П. Чехова [Чехов 1974–1983] 4000 (4079). Сошлемся и на авторитетный лексикографический источник – «Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова», подготовленный авторским коллективом из МГУ [Поликарпов]. В нем, в частности, говорится, что «лексическое ядро» словаря этого писателя составляют так называемые «регулярные слова произведений А.П. Чехова» – «единицы, значение которых не предполагает многократного выражения в пределах одного и того же текста, но при этом они встречаются почти в каждом тексте» [Поликарпов, с. 541]. Нижний предел регулярности занимают слова, которые встречаются у автора не менее чем в 100 прозаических (из 582) или не менее чем в 8 драматургических произведениях (из 17). «За регулярностью, – подчеркивают исследователи, – стоит высокая востребованность слова писателем» (там же).

Если попытаться выявить степень «регулярности» слов с корнем *вер-* в чеховском художественном творчестве, то результаты

выглядят неоднозначно. Так, по этому признаку слова *вера*, *веровать* не входят в «лексическое ядро» словаря прозаических произведений А.П. Чехова (существительное *вера* насчитывает в чеховской прозе 91 употребление в 39 текстах, глагол *веровать* – 54 в 30 рассказах и повестях), зато в драматургии они попадают в разряд регулярных, так как оба обнаруживаются в 8 пьесах, где на долю слова *вера* приходится 15 потреблений, а глагол *веровать* встречается 19 раз. Добавим, что в драматургии ни разу не употреблен глагол *уверовать*, который по одному разу использован в двух прозаических текстах. Зато глагол *верить* оказывается в числе регулярных глагольных единиц во всем художественном творчестве писателя. Он стоит на 72 месте из 215: всего насчитывается 546 его употреблений в 188 художественных произведениях Чехова, в том числе 437 употреблений в 176 прозаических текстах и 109 – в 12 пьесах. Кроме того, в чеховских художественных текстах 87 раз встречается глагол *поверить* (73 раза в 49 прозаических текстах, 14 раз – в 6 пьесах), 26 раз – безличный глагол *вериться* (24 раза в 18 рассказах и повестях и дважды – в драматургии), по одному разу – в прозе – используются глаголы *извериться* и *разувериться*. Заметим, что это далеко не все слова с корнем *вер-*. Кроме того, есть слова, наиболее тесно связанные со словами-маркерами парадигматически (синонимы,

антонимы, гипонимы, реализаторы иных ассоциативных связей), и слова, которые, в свою очередь, вступают с этой группой лексем в эпидигматические отношения. Всего таких единиц в творчестве писателя (и художественном, и нехудожественном) 353 (количество текстовых употреблений, естественно, намного больше).

Более рациональным, таким образом, при выявлении значимости представлений А.П. Чехова о вере как экзистенциальной ценности выглядит обращение к различным словам, составляющим целостную лингвистическую концептуальную парадигму, а не к отдельному слову.

Осознавая, что в языковой системе и ее речевых реализациях маркирующими лексемами представления писателя о вере служат в первую очередь одноименное существительное и глаголы *верить*, *веровать*, можно сделать вывод, что в пространстве текстов вера может осознаваться и как некая самостоятельная сущность, и как процессуальный признак. Рассмотрим обе ипостаси веры в творчестве А.П. Чехова, используя в качестве фона информацию о функционировании упомянутых слов в текстах других русских писателей – его современников.

Вера как самостоятельная сущность часто привлекала внимание писателей эпохи А.П. Чехова. В материалах подкорпуса художественной речи Национального корпуса

русского языка [НКРЯ] за 1880–1905 гг. в 122 разнообъемных текстах 32 авторов удалось обнаружить 872 употребления слова *вера*. Не упуская из виду того факта, что выборке подвергались далеко не все произведения каждого автора, а лишь те из включённых в подкорпус, которые совпали по времени с творчеством А.П. Чехова, при этом количество написанного каждым писателем гораздо скромнее, чем у него, можно всё же выявить, насколько активным было для этих авторов обращение к мыслям о вере. Статистика показывает, что концепт «вера» был значимым для Ф.М. Достоевского, П.И. Мельникова-Печерского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, К.М. Станюковича, Н.С. Лескова, М.П. Арцыбашева, В.Г. Короленко. Причём все перечисленные прозаики, за исключением К.М. Станюковича, гораздо чаще интересовались религиозным аспектом веры, чем верой как отношением человека к фактам, людям, жизни в мире, познаваемом органами чувств и разумом. У А.П. Чехова вера как некий самостоятельный феномен религиозного плана упоминается немногим более чем в половине случаев, включающих лексему *вера* (65 из 124 текстовых фрагментов). Несколько забегаая вперёд, отметим, что употребление глагольных форм даёт совершенно иную картину: лишь 94 текстовых фрагмента из 1675 указывают на субъекта, который проявляет то или иное отношение к вере-религии (верит или не

верит в бога и в соответствии с этим выбирает линию поведения, совершает поступки и т.д.), в остальных случаях человек верит или не верит другим людям либо в этих людей или информации, связанной с существованием объективной реальности.

Показательно соотношение в чеховских текстах веры с субъектом-носителем. В 57 контекстах слово *вера* употребляется с определением, при этом 37% сочетаний включает притяжательное местоимение (*моя, твоя, наша, его, ихняя, своя*). Для сравнения: атрибутивы – притяжательные местоимения определяют веру у Д.Н. Мамина-Сибиряка – в 20%, у К.М. Станюковича – в 19,5%, у Ф.М. Достоевского – в 19 %, у Н.С. Лескова – в 17,5%, у П.И. Мельникова-Печерского – менее чем в 7% контекстов, у В.Г. Короленко – в 2,6% контекстов. Таким образом, для А.П. Чехова мысль о личной принадлежности веры оказывается намного важнее, чем для большинства других писателей из приведённого перечня. По сравнению с писателями-современниками для него показательна сосредоточенность на индивидуальном характере веры, ср.: «... последней *моей верой* было непротивление злу...» (На пути. С. V, 470); «... каждая *моя вера* гнула меня в дугу ...» (На пути. С. V, 470–471); «Где *моя вера?*» (Три года. С. IX, 83); «... *моя вера* в Ваш славный, симпатичный талант...» (В.Ф. Комиссаржевской 20 мая 1897 г. П. VI, 359); «Если тебе *твоя вера* не нравится, так

ты её перемени» (Степь. С. VII, 40); «... пусть будет по *вере твоей...*» (К.С. Баранцевичу 2 января 1899 г. П. VIII, 10); «... относились к *его вере* и к нему несерьёзно...» (Записная книжка I. С. XVII, 37); «... считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно *его веру...*» (М.О. Меньшикову 28 января 1900 г. П. IX, 29); «... как флюгер, меняла *свою веру* параллельно тому, как я менял свои увлечения...» (На пути. С. V, 472); «... обратить меня в *свою веру* вам не удастся...» (Палата № 6. VIII, 104); «... он недоволен *своею верой...*» (Убийство. С. IX, 152).

Гораздо реже притяжательное местоимение указывает, что субъект входит в число единоверцев, таких контекстов всего четыре: «... тот последний человек, кто *над своей верой* глумится...» (Степь. С. VII, 40); «... *изменила своей вере...*» (Иванов. С. XII, 61; жена Иванова – еврейка); «... обратить в *свою веру...*» (Врачебное дело в России. С. XVI, 321); «... *она ихней веры...*» (Записная книжка I. С. XVII, 37). Стоит добавить, что в собрании сочинений А.П. Чехова помещен текст, не принадлежащий ему как автору, но редактировавшийся им; на этом основании все сохраненные Чеховым слова и обороты могут быть признаны не противоречащими его творческой манере. В этом тексте встречаются два подобных примера: «Хлебопчук и другие прочие, *его веры...*» (А.К. Гольдебаев. [В чем причина?] Ссора. С. VIII, 144); «... апостолом *своей*

святой веры стать...» (там же, 152).

Ближе других к А.П. Чехову в употреблении слова вера в сочетании с притяжательными местоимениями находится М.П. Арцыбашев, в произведениях которого фактически все семь сочетаний существительного *вера* с притяжательным местоимением (25% контекстов со словом вера) подчёркивают индивидуальность веры, ср.: «Вот я здесь лежу, – вдруг подумал Ланде, – один *со своей верой в то, что надо разорвать, причинить горе и боль*; а быть может, всё-таки... ну, всё-таки... кругом только пустота, только бесконечная пустота» (Арцыбашев. Смерть Ланде; здесь и далее произведения писателей, сопоставляемые с чеховскими, цитируются по [НКРЯ]); «Без сна и покоя думал он о том, что сам не проник и не углубился в *свою радостную веру*, ибо бессилён передать её» (Арцыбашев. Смерть Ланде); «Ещё сегодня утром он задавал себе вопросы о *своей вере*, а теперь, в споре, оказывалось, что всё у него продумано и всё это он твердо установил» (Арцыбашев. Санин); и др.

В то же время у остальных из перечисленных выше писателей в подавляющем большинстве случаев, даже в словосочетаниях с притяжательным местоимением единственного числа, речь идёт не об отличии веры одного индивида от веры других, а лишь о том, что он обладает верой, ср.: «Мысль вражья!.. – вскрикнула Варенька. – Гони губителя душ, гони от себя!.. *Веруй без*

рассуждений, без колебаний!.. Веруй, и вера твоя (то есть то, что ты обладаешь верой, а не то, что ты веруешь как-то особенно – Л.С.) *спасёт тебя*» (Мельников-Печерский. На горах)», – либо что он принадлежит иному религиозному сообществу, чем другой, сопоставляемый с ним субъект, ср.: «– Я служитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя к нему, потому что я *поспешаю соединиться с своими единоверцами* – мы идём справлять таинство Митры. Господин мой меня отпустил *послужить моей вере* и остался теперь один в своём доме» (Лесков. Гора).

Некоторые качества веры, перечисляемые А.П. Чеховым, оказываются общеизвестными, традиционными: *простая* (Убийство. С. IX, 160), *наивная* (Архиерей. С. X, 189), *глубокая* (По делам службы. С. X, 92), *фанатическая* (Скучная история. С. VII, 260; Н.М. Пржевальский. С. XVI, 236). Однако есть и такие признаки, которые выглядят специфически чеховскими: *бесшабашная* (Цветы запоздалые. С. I, 394; Драма на охоте. С. III, 292), *мёртвая* (Рассказ старшего садовника. С. VIII, 346), *неразумная, тёмная* (Убийство. С. IX, 158), *неудобоисповедная* (А.К. Гольдебаев. [В чем причина?] Ссора. С. XVIII, 145). Стоит подчеркнуть, что три из этих специфических характеристик персонифицируют, «оживляют» веру. Как живое существо вера ведёт себя активно, а иногда и агрессивно: «*Вера горами двигает*» (Дуэль. С. VII, 433), «мною овладела новая

вера» (На пути. С. V, 470), «*победить же в себе этой веры* (в науку – Л.С.) *я не могу*» (Скучная история. С. VII, 263), «*каждая моя вера гнула меня в дугу, рвала на части моё тело*» (На пути. С. V, 470–471). Однако такие примеры немногочисленны. По большей части автор не выходит за рамки общеязыковой и литературной традиции, рисуя образ веры как вещи, которую можно *получить, потерять, переменить, отнять* и т.п., ср.: «... *простая вера, которую другие получают* от бога даром вместе с жизнью» (Убийство. С. IX, 160); «... *легче потерять веру, чем старую перчатку*» (Двое в одном. С. II, 9); «*Потерял я, братцы, веру!*» (Осенью. С. II, 240); «*Благодаря ему <скандалу> он потерял свою новую форменную фуражку и веру в человечество*» (Начальник станции. С. II, 272); «... *переменил веру ради выгоды*» (Перекасти-поле. С. VI, 261); «*Отнял он у меня и веру, злодей мой!*» (На кладбище. С. III, 76); и др.

Вера в ряде чеховских текстов выступает то в виде некой заполненной ёмкости – «*давая полную веру* словам такого авторитета» (Два романа. С. I, 482); «*Пишите ... с полною верой* в своё перо» (М.В. Киселевой 29 сентября 1886 г. П. I, 264), то в виде некоего вещества, которое надо по возможности не раздавать, а сохранять для собственных нужд: «... *давать поменьше веры* его жалобам» (Драма на охоте. С. III, 274); «... *у него не хватает характера и веры* в своё право» (Палата №6.

VIII, 84); «Хорошо быть художником, поэтом, драматургом, думал я, но если это недоступно для меня, то хотя бы удариться в мистицизм! Эх, к этому безмятежному спокойствию и удовлетворению, какое наполняет душу, хотя бы *кусочек какой-нибудь веры*» (Рассказ неизвестного человека. С. VIII, 199).

Однако, как уже отмечалось, чаще А.П. Чехов склонен рассматривать веру не как самостоятельную сущность, а как процессуальный признак (конкретнее – как состояние человеческого сознания). Именно как состояние сознания она обуславливает собою поведение персонажей. Недаром лексема-маркер *вера* в значительной мере уступает глагольным вербализаторам *верить/поверить, веровать/уверовать* (из общего числа контекстов с этими лексемами на долю существительного приходится всего 6,84%). Ни у одного из прозаиков – чеховских современников, сосредоточивавших внимание на данном концепте, – такого соотношения между верой – самостоятельной сущностью и верой – процессуальным признаком не наблюдается, ср.: у К.М. Станюковича соответствующий процент употребления лексемы *вера* – 14,39, у Ф.М. Достоевского – 14,65, у Д.Н. Мамина-Сибиряка – 22,46, у М.П. Арцыбашева – 22,95, у В.Г. Короленко – 34,21, у Н.С. Лескова – 64,93, у П.И. Мельникова-Печерского – 68,04. При этом состояние веры у самого автора и у чеховских героев рассматривается

как постоянное или, по крайней мере, длительное: в 90,7% случаев используются глаголы *верить*, *веровать* в форме несовершенного вида. Для сравнения: у упомянутых писателей процент тех же словоформ несовершенного вида ниже и колеблется от 45,95 до 77,66. Заметим: А.П. Чехов крайне редко подчёркивает связь веры-состояния с темпоральным фактором за счёт синтагматических связей глаголов с обстоятельством времени. Во всём материале было выявлено всего девять таких сочетаний. При этом каждый раз глагол употреблён в форме несовершенного вида, ср.: «... с тех пор не верил ни аплодисментам, ни венкам, ни восторгам» (Калхас. С. V, 393); «... через мгновение ... верил в другое...» (Рассказ неизвестного человека. С. VIII, 195); «... давно уже не верит...» (Бабыё царство. С. VIII, 279); «... никогда никому не верила» (Супруга. С. IX, 97); «... и уже он сам верил, что Кузьминки спасены» (У знакомых. С. X, 18); «... никогда не верил ни докторам, ни адвокатам, ни женщинам» (Иванов. С. XII, 32); «... верила с детства <старой няне>» (Записная книжка I. С. XVII, 19); «... уже верю в дело...» (А.С. Суворину 1 марта 1897 г. П. VI, 297); «... это мечта, в осуществление которой, признаться, я не верил до последнего времени» (А.Л. Вишневскому 17 марта 1900 г. П. IX, 72).

Гораздо чаще (в 60 фрагментах текстов) состояние веры оценивается с количествен-

ных и качественных позиций. В количественном отношении состояние веры измеряется а) по степени проявления: *безгранично*, *фанатически* (2 контекста), *слишком*, *сильно* (4), *так* (то есть в высокой степени), *как* (в высокой степени), *очень*, *не очень-то* (2), *не особенно*, *мало* (3), *так мало*, *слегка*, *слишком мало*, *меньше всех*, *немножко*, б) по образу (в сопоставлении с другими людьми): *попросту*, *не так, как все* (3), *не одинаково*, *как-нибудь особенно*, *по-своему*, *не как немецкий доктор философии*, *не цирлих-манирлих*, *так, а не иначе*, в) по оттенкам качества этого состояния: А.П. Чехов как автор нехудожественных текстов, повествователь и персонажи верят *глубоко* (9), *искренно* (4), *охотно* (5), *плохо* (5), *наивно*, *блаженно*, *как другу*, *по-прежнему*, *беззаветно*, *как суслик*. Тем не менее на общем фоне (1018 словоупотреблений различных форм глаголов *верить*, *веровать*, *поверить*, *уверовать*) оказывается, что для Чехова отсылка к собственным параметрам состояния веры не так важна, как указание на объект веры. Назовем только наиболее часто упоминаемые автором объекты веры, подчеркнув, что в чеховских текстах речь идет и о вере, и о ее отсутствии (т.е. субъект верит или не верит кому, чему, в кого, во что).

Чаще всего объектом веры выступает правдивость индивида (278 текстовых фрагментов), ср.: «Я люблю слушать и читать,

но *верить*, покорнейше благодарю, я не умею и не хочу. Я *поверю* одному только богу, а вам, хоть бы вы говорили мне до второго пришествия и оболестили еще пятьсот Кисочек, я *поверю* разве только, когда сойду с ума...» (Огни. С. VII, 138); «Тут ее встретили упреками, что она, образованная, бога забыла, проспала обедню и не приходила вниз разговляться, и все всплескивали руками и искренно говорили, что она красивая, необыкновенная, и она *верила* этому, смеялась, целовалась и совала кому рубль, кому три или пять, смотря по человеку» (Бабье царство. С. VIII, 270–271); и др.

Вторым по частотности обнаружения в чеховских текстах (162 текстовых фрагмента) объектом веры является то, что не доказано с несомненностью. Такая вера уже не предполагает возможности обмана, лжи, преднамеренного введения в заблуждение, однако она означает априорную убежденность без аргументации и оказывается внутренним двигателем человеческой деятельности, ср.: «Какая бы великолепная заря ни освещала вашу жизнь, всё же в конце концов вас заколотят в гроб и бросят в яму. – А бессмертие? – Э, полноте! – Вы не верите, ну, а я верю. У Достоевского или у Вольтера кто-то говорит, что если бы не было бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко верю, что если нет бессмертия, то его рано или поздно изобретет великий человеческий ум» (Палата № 6. С. VIII, 96–

97); «Она каждый день читала евангелие, читала вслух, по-дьячковски, и многого не понимала, но святыя слова трогали её до слез, и такие слова, как “аще” и “дондеже”, она произносила со сладким замиранием сердца. Она верила в бога, в божью мать, в угодников; верила, что нельзя обижать никого на свете – ни простых людей, ни немцев, ни цыган, ни евреев, и что горе даже тем, кто не жалеет животных; верила, что так написано в святыя книгах, и потому, когда она произносила слова из писания, даже непонятные, то лицо у нее становилось жалостливым, умиленным и светлым» (Мужики. С. IX, 286–287).

Третий объект веры – чья-либо честность, твёрдость, добрые намерения и т.п. (158 текстовых фрагментов). В данные контексты, как правило, включаются вербализаторы морально-нравственных концептов или вводится упоминание о человеке как носителе нравственного начала, ср.: «Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят человеку, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений? Веровать в бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте! Эта вера доступна только тем немногим, кто понимает и чувствует Христа» (Рассказ старшего садовника. С. VIII, 343); «Дочери

Толстого очень симпатичны. Они обожают своего отца и веруют в него фанатически. А это значит, что Толстой в самом деле великая нравственная сила, ибо, если бы он был неискренен и не безупречен, то первые стали бы относиться к нему скептически дочери, так как дочери те же воробы: их на мякине не проведёшь...» (А.С. Суворину 26 октября 1895 г. П. VI, 87).

Наконец, в числе частотных объектов веры можно указать реальность факта, взаимосвязь фактов. Подобных контекстов обнаружено 134, ср.: «Видели, понимали, что здесь убийство, и глазам не верили» (Барыня. С. I, 272); «Голодная собака верует только в мясо» (Записная книжка I. С. XVII, 44).

Гораздо реже в качестве объектов веры выступают неперенное осуществление, неизбежность чего-н. предстоящего, иногда основанное на знании, опыте (86 контекстов); исполнение возлагаемых на кого-н. надежд, ожиданий (68 контекстов); истины, открытые Богом (48 контекстов); постулаты религиозного учения, верование (45 контекстов); бытие и существо Бога (36 контекстов); реальное существование предметов религии или фантазии (32 контекста) и т.д.

Ценность веры, потребность в ней Чехов демонстрирует через интенсивное использование как в авторской речи (в том числе и в письмах), так и в репликах персонажей, во-первых, глаголов

уверять / уверить (225 контекстов); во-вторых, словоформ веришь (ли), верите (ли), употреблённых в качестве вводных (43 контекста); в-третьих, форм повелительного наклонения верь(те), поверь(те) (35 контекстов). Проиллюстрируем этот тезис некоторыми примерами.

Сам А.П. Чехов, адресаты его писем, его персонажи испытывают потребность убедить собеседников поверить им и потому стараются уверить их в том, что говорят правду, или в реальности факта. Об этом свидетельствует употребление глагола уверять / уверить в различных формах, в том числе и 70 фрагментов текста с глаголом уверять в форме первого лица единственного числа или в форме прошедшего времени в сочетании с местоимением я (28 из этих контекстов выявлено в письмах А.П. Чехова), ср.: «Вы нашли бы старческую атрофию мозга, я же уверил бы вас, что это самое умное и хитрое существо во всём нашем уезде... Чёрт в юбке!» (Драма на охоте. С. III, 369); «– Полноте, это невозможно... – усумнился граф. – Уверяю вас! Даже листовскую рапсодию исполнял!» (Роман с контрабасом. С. V, 183); «... если бы, сударыни мои, я стал сейчас перечислять вам полячек и жидовочек, которые в своё время висли на моей шее, то, смею вас уверить, в математике не хватило бы чисел...» (То была она! С. V, 482); «Затем, когда Егор отворяет дверь, товарищ уверяет меня, что я простужусь, а я делаю вид, что

готов идти за ним даже на улицу» (Скучная история. С. VII, 265); «Приучайте её логически мыслить, обобщать и *не уверяйте её*, что её мозг весит меньше мужского и что поэтому она может быть равнодушна к наукам, искусствам, вообще культурным задачам» (Ариадна. С. IX, 131); «Это шампанское не настоящее, *могу вас уверить*» (Вишневый сад. С. XIII, 243); «Все держат себя с ним чрезвычайно порядочно – и в этом я *уверяю Вас*» (А.Н. Плещееву 2 января 1889 г. П. III, 119); «Милая моя бабуля, *ты* сердись на меня из-за адреса, всё *уверяешь*, что писала, да будто ещё несколько раз» (О.Л. Книппер-Чеховой 23 марта 1903 г. П. XI, 184); и мн. др.

В диалогах персонажи, подчёркивая истинность утверждений, которые могут вызывать сомнение у адресата, включают в реплику вводные слова *веришь (ли)*, *верите (ли)*, ср.: «Такие во рту после вчерашнего перепоя окиси, закиси и перекиси, что никакой химик не разберёт! *Верите ли?* Душу воротит! Жить не могу!» (Комик. С. II, 318); «Опять не выучил? – слышится за дверями кашляющий голос, и в комнату входит Петин папаша, отставной губернский секретарь Удодов. – Опять? Почему же ты не выучил? Ах ты, свинья, свинья! *Верите ли*, Егор Алексеич? Ведь и вчерась порол!» (Репетитор. С. II, 336); «Я буквально поражён, Егор Нилыч! До сих пор хохочу... Ха-ха... А мы-то кипятимся, хлопочем! Ха-ха! *Верите?* и в театрах никогда так не смеялся... Бездна комизма! Всю жизнь

буду помнить этот незапамятный вечер!» (Маска. С. III, 89); «Сделай милость, будь другом, заплати ты ей проценты... *Веришь ли*, загрызла, заездила, замучила...» (Иванов. С. XII, 49); и др.

И автор, и его герои используют прямой призыв к доверию их словам, употребляя формы повелительного наклонения, ср.: «– Пустое! Для того чтобы прожить десяток, другой тысяч, достаточно только несколько лет... А потом? Нужда? Слёзы? *Верьте*, дорогая моя, моему опыту! Знаю-с! знаю, что говорю!» (Пропавшее дело. С. I, 204); «– Спасибо, Петруша, – начал Власич, кашлянув. – Я очень благодарен тебе, что ты приехал. Это великодушно и благородно с твоей стороны. Я это понимаю и, *верь* мне, ценю высоко. *Верь* мне» (Соседи. С. VIII, 60); «Главное, мама, перед глазами не видеть. Только бы дали моему Семёну перевод, а там, *поверьте*, в один месяц забуду. Пустяки всё это» (Чайка. С. XIII, 47); «Если бы она знала, то, *поверьте*, давно бы уж указала нам путь...» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 марта 1890 г. П. IV, 45); «За расположение и внимание, о которых Вы упоминаете в своём письме, я чрезвычайно Вам благодарен и, *верьте*, умею ценить их» (Л.Я. Гуревич 22 мая 1893 г. П. V, 211).

То, что вера осмысливается как экзистенциальная ценность, подтверждается и многократной констатацией её нехватки – через интенсивное употребление лексем

скорнем *вер-* в конструкциях с отрицанием или с отрицательной приставкой *не*: 323 фрагмента, включающих *верить / поверить, верить*, *вероват* с отрицанием *не*; 41 фрагмент – со словами *недоверие, недоверчиво, недоверчивый*, 22 фрагмента – со словами *невероятие, невероятный*; 18 фрагментов – со словом *неверие*; 10 фрагментов – со словом *неверующий*; 11 фрагментов – со словами *неуверенно, неуверенность*; 2 фрагмента – со словом *недостоверный*; и др.).

Кажется важным обратить внимание на то, что, как и состояние веры, чеховские персонажи реже испытывают неверие как одномоментное состояние, чаще оно проявляется у них как состояние протяжённое, причём иногда и как отражение некоего внутреннего скепсиса по отношению к тому, вера во что от них ожидается. Поэтому в 267 контекстах из 323 случаев употребления глаголов *верить, верить*, *вероват* с частицей *не* используются словоформы несовершенного вида: «И по себе он судил о других, *не верил* тому, что видел, и всегда предполагал, что у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь» (Дама с собачкой. С. X, 141); «Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но никогда я *не верил*, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла...» (Иванов. С. XII, 56); «Пусть западник *не верит*

в чудо, сверхъестественное, но он не должен дерзать разрушать веру в русской душе, так как это идеализм, которому [суждено] предопределено спасти Европу» (Записная книжка I. С. XVII, 22).

В целом исследование функционирования основных лингвистических реализаторов представлений о вере в творчестве А.П. Чехова приводит к заключению: для писателя вера представляла в виде несомненной экзистенциальной ценности, при этом важным для него в первую очередь было осмысление ее как состояния человеческого сознания, позволяющего выстраивать свои отношения с другими людьми.

Литература и источники

Доценко Д.В. Образная составляющая концептосферы ВЕРА в англосаксонской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 22 с.

Ивановская О.В. Вера в системе ценностных ориентаций студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 18 с.

Ивин А.А. Вера // Философский словарь. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Vera-349/>, свободный.

Казанцева Т.А. Вера как социально-психологический феномен и его суггестивный механизм формирования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 19 с.

Костикова К.В. Витальная вера в структуре

человеческой природы и её генезис: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 18 с.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>, свободный.

Омельчук Р.К. Вера как экзистенциальная ценность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. №3. С. 91-93.

Пименова Е.Н. Вера в структуре человеческой деятельности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Куйбышев, 1990. 15 с.

Поликарпов А.А. (общ. ред.) Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова с электронным приложением / Кукушкина О.В., Суровцева Е.В., Лапонина Л.В., Рюдигер Д.Ю. Под общ. ред. Поликарпова А.А. М., 2012. 571 с.

Савенкова Л.Б. Концепт «вера» // Концептосфера А.П. Чехова: сб. статей / Отв. ред. Н.В. Изотова. Ростов-на-Дону, 2009. С. 246-272.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.

Сулиман Э.Э. Русское концептуальное поле вера (на фоне арабо-мусульманской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.

Талапова Т.А. Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 22 с.

Тимошевская Т.А. Национально-культур-

ные особенности функционирования концепта «вера» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 29 с.

Чеснова Е.Н. Религиозная вера как социокультурный феномен: философско-религиоведческое исследование: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2012. 24 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Г.А. Бялый, А.С. Мясников, Л.Д. Опульская (зам. гл. ред.), А.И. Ревякин, М.Б. Храпченко. М., 1974-1983.

Шафоростов А.И. Внерелигиозная вера как фактор формирования и самовыражения личности: автореф. дис. ... канд. философских наук. Иркутск, 1997. 18 с.

Ярыгин Н.Н. Вера как феномен познающего сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995. 15 с.

Callahan, G.N. (2003). Faith, madness, and spontaneous human combustion: What immunology can teach us about self-perception. New York: Berkley books.

de Goede, M. (2005). Virtue, fortune, and faith: a genealogy of finance. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Helm, P. (Ed.). (2003). Faith with reason. Oxford: Clarendon press.

McKay, M., Fanning, P. (1991). Prisoners of belief: Exposing & changing beliefs that control your life. Oakland, CA: New Harbinger.

Novak, M. Belief and unbelief: A philosophy of self-knowledge. New York; Scarborough, 1967.

Price, H.H. (2002). Belief. London: George Allen and Unwin.

Sinnott-Armstrong, W., Raffner, D., Asher, N. (Eds.). (1995). Modality, morality and belief: Essays in honor of Ruth Barcan Marcus. Cambridge: Cambridge University Press.

Tamminga, A.M. (2001). Belief dynamics: (Epistemo)logical investigations. PhD thesis. Univesiteit van Amsterdam.

Turner, D. (2004). Faith, reason and the existence of God. Cambridge: Cambridge University Press.

References

Chekhov, A.P., Bel'chikov, N.F. (1980). Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. [Complete set of works and letters in 30 volumes]. Moscow: Nauka.

Chesnova, E.N. (2012). Religioznaya vera kak sotsiokul'turnyj fenomen: filosofsko-religioznoe issledovanie [Religious belief as a social cultural phenomenon: philosophical and theological research]. PhD thesis. Tula State Pedagogical University.

Dotsenko, D.V. (2012). Obraznaya sostavlyayushchaya konceptosfery VERA v anglosaksonskoj yazykovoj kartine mira [Image component of BELIEF concept-sphere in Anglo-Saxon language world view]. PhD thesis. Altay State Pedagogical Academy.

Ivanovskaya, O.V. (1996). Vera v sisteme tsen-

nostnyh orientatsij studentov pedagogicheskogo vuza [Belief in the system of value orientations of the students of pedagogical university]. PhD thesis. Volgograd State Pedagogical University.

Ivin, A.A. Vera [Belief]. In: Filosofskij slovar'. Available at: <http://enc-dic.com/philosophy/Vera-349/> (date of access: 24.11.2015).

Kazantseva, T.A. (2007). Vera kak sotsial'no-psikhologicheskij fenomen I ego suggestivnyj mekhanizm formirovaniya [Belies as a social psychological phenomenon and the suggestive mechanism of its formation]. PhD thesis. State University of Management.

Kostikova, K.V. (2005). Vital'naya vera v strukture chelovecheskoj prirody i eyo genezis [Vital belief in the structure of human nature and its genesis]. PhD thesis. Omsk State Pedagogical University.

Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (date of access: 12.11.2015).

Omelchuk, R.K. (2006). Vera kak ekzistentsial'naya tsennost' [Belief as an existential value]. Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii, pp. 91-93.

Pimenova, E.N. (1990). Vera v strukture chelovecheskoj deyatel'nosti [Belief in the structure of human activity]. PhD thesis. Kuibyshev State University.

Polikarpov, A.A. (Ed.). (2012). Chastotnyj grammatiko-semanticheskij slovar' yazyka khudozhestvennyh proizvedenij A.P. Chekhova s elektronnyim prilozheniem [Frequency

grammar-semantic dictionary of the language of Chekhov's literary works with an electronic supplement]. Moscow: Max Press.

Savenkova, L.B. (2009). Kontsept «vera» [«Belief» concept]. In: N.V. Izotova (Ed.), Kontseptsofera A.P. Chekhova. Rostov-on-Don: Southern Federal University.

Shaforostov, A.I. (1997). Vnereligioznaya vera kak factor formirovaniya i samovyrazheniya lichnosti [Extra religious belief as the factor of personality formation and self-expression]. PhD thesis. Irkutsk State University.

Stepanov, Yu. (1997). Konstanty. Slovar' ruskoj kultury [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Languages of Russian Culture.

Suliman, E.E. (2013). Russkoe kontseptual'noe pole vera (na fone arabo-musul'manskoj lingvo-kultury [Russian conceptual sphere belief (on the background of Arab-Muslim language culture)]).

PhD thesis. State University of the Russian Language.

Talapova, T.A. (2009). Kontsept «vera / neverie» v russkoj yazykovoj kartine mira [Concept «belief / disbelief» in the Russian language picture of the world]. PhD thesis. Khakass State University.

Timoshevskaya, T.A. (2012). [Natsional'no-kul'turnye osobennosti funktsionirovaniya kontsepta «vera» (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) National and cultural peculiarities of the functioning of the concept «belief» (based on the material of the Russian and English languages)]. PhD thesis. Stavropol' State University.

Yarygin, N.N. (1995). Vera kak fenomen poznayushchego soznaniya [Belief as the phenomenon of exploring consciousness]. PhD thesis. Vyatka State Pedagogical University.

«SPIRITUAL ABILITY» OR A HUMAN MIND CONDITION? ABOUT CHEKHOV'S VIEWS ON FAITH

Lyudmila B. Savenkova, PhD, Associate Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; email: savenkova@sfedu.ru

Abstract. The article approaches different aspects of Anton Chekhov's views on faith. It is argued that the analyses of the use of the word faith, which is the key word for the concept formation, should be complemented by the linguistic conceptual paradigm of units marked by 'faith'. With the help of the author's own observations and materials collected in "The word lists of A.P. Chekhov's oeuvres by frequency" by A.A. Polikarpov, it is demonstrated that elements of the linguistic conceptual paradigm of units marked by 'faith' are used more than 4000 times, and the word faith proves to be at the heart of the lexical core of Anton Chekhov's creative writing.

Key words: Chekhov, faith, existential value, linguistic conceptual paradigm.

